

"О том, что помню..."

Лёнино гостеприимство

Когда проживаешь с человеком 55 лет, сливаешься с ним в одно целое. Мысли, поступки, желания — все становится близким и понятным. Скоро шесть лет, как мы с тобой в разлуке... Хотя разлука не совсем то слово. Ни на минуту я не могу забыть... Думаю о тебе, мысленно говорю с тобой. Ты был настолько ярким и неординарным человеком, что дети и внуки, чтобы поднять мне настроение, часто разговаривают твоей интонацией ("А как бы дедушка отреагировал на это?!"). И всем становится радостно. Как будто ты рядом. Конечно, я тебя любила и люблю, но со временем я мысленно пересматриваю какие-то черты твоего характера, твои поступки. Не секрет, что многие считали тебя строгим и неприветливым, а может, даже и злым. А сейчас я понимаю обратное: ты, словно видя человека насквозь, как рентген, мог точно определить его характер, его душевную организацию. И чего стоил твой острый пронизательный глаз разведчика, я поняла спустя уже много лет. Ты никогда не лицемерил, не заигрывал с людьми, редко шутил — жил просто и ясно. Как могло показаться многим людям, не привыкшим к такому общению, ты вел себя не совсем корректно. Но умным, честным и порядочным людям ты был замечательным другом. Ленечка, пройдя тяжелые годы войны, ты и в мирное время не позволял себе отдыхать. Всегда очень много работал, с раннего утра до позднего вечера. Я помню ту морозную ночь: ты пришел, сильно уставший, сапоги твои примерзли к ногам. Грузовик постоянно ломался. Ремонтировал, грузил, разгружал, — чтобы прокормить семью.

А теперь вспомнила смешное — Ленино гостеприимство. 1 Мая, впереди два выходных дня: уборка, стирка, глажка, двое детей, приготовление праздничных блюд. Впрочем, как у всех людей. Устала. В 12 часов вечера мы с тобой легли спать, а через двадцать минут звонок в дверь. С шумом и громким смехом завалились твои родственники из Николаева. Помню, ты стоишь в дверях, растерян: может быть, это сон? А они впихивают тебя обратно в дом: "Леня, ты что, нам не рад?" — "Ну, проходите, раз приехали". А потом нам, бедным, нужно было, соблюдая приличия, полночи выслушивать их восторги на тему, как много еды они себе приготовили на праздник, ну просто чуть холодильник не развалился. И здесь, Ленечка, ты опять отличился. Без всякой злости и грубости, довольно мягко ты

спросил: "Так почему же вы нам ничего не привезли?". А мне почему-то опять стало стыдно...

Знаете, когда меня приглашают в гости, я очень стесняюсь кушать, испытываю чувство неловкости, неудобства. Это, наверное, неправильно, но из-за постоянной зажатости мне проще принимать людей у себя дома. Очень люблю накрывать на стол и ненавязчиво (как мне кажется) уделять гостям внимание. Слежу, чтобы у каждого в тарелке была еда. На это, Ленечка, я тут же получала от тебя замечание, что некультурно лезть каждому в тарелку. Ты, конечно, прав, но мне смешно...

Однажды в выходной день ты пришел с соседом по даче. Он был уже немного выпивший. Я, как всегда, начала суетиться, накрывать на стол. Ты отодвинул меня, постелил газету, нарезал немного сала, хлеба и соленых огурцов: "Жена, у нас что-то в бутылке еще осталось маленько, потому что Алексей Иванович к нам уже пришел выпивший?". Вы посидели, поели, пообщались, вспомнили военные годы. И тут Алексей Иванович опять потянулся за бутылкой. "Послушай, Алексей, тебе уже довольно, ты и так к нам пришел уже выпившим. Значит, тебя проводить или ты сам дорогу до лифта найдешь?" Мне стало жутко, я пыталась тебе объяснить, что с людьми так разговаривать нельзя, но ты был глубоко убежден, что спас человека. А когда у нас в доме гости засиживались после полуночи, а нам с тобой нужно было вставать ни свет ни заря и собираться на работу, ты, Ленечка, как бы извиняясь, глубоко зевнув, говорил: "Вы тут еще посидите, а я пойду спать, мне рано утром вставать на работу". Конечно, после таких слов гости начинали суетиться и тут же потихоньку расходились по домам. "Ленечка, — обращалась я молящим тоном, — разве ты не понимаешь, что людей выгнал?" На что ты недоуменно посмотрел на меня и, улыбаясь, ответил: "Ну что ты, я их не выгнал. Я им просто сказал, что иду спать". Но теперь, спустя годы, вспоминая эти случаи, я глубоко убеждена, что люди должны вести себя так, чтобы никого не напрягать, следить за своими поступками.

Леня — прямой человек, все говорил в глаза. Когда он работал на швейной фабрике, а работал он всегда честно и самоотверженно, от зари до зари, то как лучшему работнику руководство выделило ему первую машину. Генеральный директор фабрики Лидия Петровна, встретив Леню на проходной, смеясь, говорила: "Ну что, Мироныч, я хоть поцелуй в щечку у тебя заслужила?". А Мироныч отвечал: "Вот когда я получу эту машину, тогда я Вас и поцелую".

Дача в Черноморке

Работникам одесского порта и рыбзавода выделили на берегу моря небольшой участок земли. Денег на строительство у нас не было. Но Иосиф настоял, чтобы мы все-таки купили участок, который составлял 2 сотки земли. В то время вопрос "Сколько у вас соток земли?" никого не интересовал. Главное — недалеко от моря. И вот мы решились на покупку, одолжили денег. Место нашим сразу понравилось: на небольшом склоне, от воды — 80-100 метров. Леня с Иосифом купили доски и первым делом сбили кухню и веранду. А уже позже пристроили еще две комнатки. Мы затоварились краской, обоями, сшили занавески — и стали обживать нашу дачу. На этом пятачке с песком и глиной оказалась на удивление плодородная земля. У нас росли черешня, вишня, абрикос. А через год Иосиф с Олей сделали из камней клумбу, посадили гладиолусы и розы. Мужчины выкопали и зацементировали огромный резервуар для воды. В этом месте не было коммуникаций, поэтому воду и газ в баллонах всем дачникам привозили один раз в месяц. Сколотили душ, вырыли погреб для хранения продуктов. Но самое главное — это море, к которому было приковано всеобщее внимание. По берегу важно расхаживали большие толстые чайки. Иногда дельфины подплывали прямо к пирсу, на котором местные ребята ловили рыбу. У берега стояли небольшие рыбацкие лодки, в которых полупьяные рыбаки с радостью обменивали пол-литровую бутылку водки на свежую, только что пойманную рыбу. Помню, как однажды Иосиф принес с какого-то заброшенного пляжа огромный деревянный зонт вместе с разноцветными квадратными лавками. Это сооружение вкопали в землю посередине нашего двора. Я наливала молоко, добавляла туда пепсин, завернув содержимое в марлю, завязывала на большой узел и подвешивала под зонт. Получалась замечательная брынза.

Мы услышали звуки колокольчиков. Соседи крикнули: "Встречайте гостей!". И тут я вижу, как мой Ленечка ведет на веревке большую рогающую козу, на шее у которой болтается маленький колокольчик, а сам напевает: "Жил-был у бабушки серенький козлик". Так у нас появилась коза по кличке Бася. С первых дней ее все полюбили. Коза была ласковая, хотя молока давала немного. Каждый вечер Оля прогуливалась с Басей по большому колхозному полю, располагавшемуся неподалеку. По выходным дням Басю брали на пляж купаться. Нам казалось, что она все понимает. Бывало, подоишь, накормишь ее, нальешь холодной воды, прогу-

ляешься с ней, — а Бася опять за свое, требует к себе внимания. И кто-нибудь обязательно подходил к ней, гладил по голове, и она успокаивалась. Смешно вспомнить, как на горе в десяти метрах от нашего деревянного туалета сбили для Баси будку с брезентом. К нам приехал тогда Петя Гулько — друг Иосифа. Наутро он пошел в вышеназванное деревянное сооружение. И что тогда нашло на нашу Басю?! Она начала разбегаться и разъяренно кидаться на эту маленькую деревянную крепость, которая отделяла Басю от ее вымышленного врага. Сначала Петя решил, что с ним шутит Иосиф, и спокойно сказал: "Еся, прекрати так глупо шутить". Но приоткрыв дверь, он увидел в щель разъяренную Басю, которая продолжала атаковать. Петя действительно не на шутку испугался и закричал: "Люди, караул, спасите!".

Начало сентября. Заканчивается дачный сезон, пора уезжать в город. Куда же деть козу? В один из вечеров мы с Олей услышали разговор. Кто-то из наших соседей спорил, кто лучше сумеет зарезать козу и приготовить из нее шашлык. Они решили проверить это дело утром, когда все женщины уйдут на работу. А ночью Оля отвязала козу и вывела ее на дорогу. Каково же было наше удивление, когда наутро, свободная и счастливая, Бася пришла к нам в комнату. Так коза осталась жива, а через две недели мы ее подарили нашим приятелям в частный дом. Потом мы несколько раз приходили к Басе в гости. Ей нравилось в новом доме. Бася родила там козленка.

В нашем дачном кооперативе было 23 домика. Когда у ребят были школьные каникулы, они с родителями выезжали на дачу. В выходные дни все встречались на берегу. Какая прозрачная вода, мелкий золотой песок! Бывало, кастрюлю поставишь на плиту, только вскипит — подкрутишь газ поменьше и бегом на пляж. Песок очень горячий, трудно стоять — скорее в воду! Рано утром перед работой я забегала в море. Странно, но никогда при этом я не думала о температуре воды. Это были замечательные времена. Вечерами соседи приходили к нам, Иосиф разжигал костер посередине двора, и мы все, сидя на лавках, слушали в его исполнении под гитару песни Высоцкого.

Леня работал на рыбзаводском автобусе, который стоял недалеко на автомобильной площадке. Ежедневно в 7 часов утра дачники собирались у автобуса и вместе с ним выезжали на работу. Леня много лет курил папиросы и по утрам очень сильно кашлял. Как-то соседка Надя попросила его: "Мироныч, мне завтра нужно встать пораньше на работу, пройдишь, покашлиай около шести у моего окна".

Иосиф много времени и сил отдавал строительству, поэтому на пляже был очень мало. Вплотную к нашей даче примыкала большая глиняная гора, которая ежегодно сползала и "давила" наш дом. Наверное, не сотни, а тысячи ведер сухой тяжелой глины Иосиф с Леней выкапывали и выносили со двора. На крыльце нашего дома висел корабельный колокол. Удар в него звал домашних на обед или ужин.

Вечернее море завораживало. Лунная дорожка, искрящаяся вода. На рейде стояли корабли, свет из трюмов отражался в воде. Друзья подарили Лене бинокль, и мы читали названия кораблей. Неизвестный мир манил. Все очень любили приезжать к нам на дачу. Иосиф всегда привозил с собой друзей, студентов, коллег по работе. А однажды к нам приехал Юра Богатырев...

Юра Богатырев

Утром Иосиф получил телеграмму: "САМОЛЕТЫ НЕ ЛЕТАЮТ, ЕДЕМ МАШИНОЙ. НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ. ВАШ БОГАТЫРЕВ". И действительно, через два дня к нам приехали гости. Они встретились в московском аэропорту, где все время откладывался рейс Москва — Одесса. В итоге сдали билеты и решили ехать на машине. Это были очень симпатичные люди. Мужчина работал атташе по культуре в Польше, его жена — театральным критиком. У них была путевка в одесский санаторий. Эти люди и предложили Юре поехать с ними на попутке.

Была уже глубокая ночь, когда они подъехали к нашей даче. Утром все пошли на море, потом получили вкусный завтрак. И наши гости передумали уезжать в санаторий, попросив разрешения пожить на даче весь свой отпуск, то есть двадцать один день. Я, конечно, согласилась, так как давно привыкла, что у нас на даче всегда кто-нибудь отдыхал. Да, много людей побывало у нас, но самое незабываемое впечатление оставил Юра Богатырев. Это был удивительный добрый интеллигентный человек. Единственный, кто не позволял себе уходить без меня на пляж. Он помогал чистить картошку, готовить обед, мыть посуду, а потом читал своим дивным голосом главы из романа Булгакова "Мастер и Маргарита". А я все думала про себя: "Какое счастье, сам Юра Богатырев читает для меня знаменитый роман!".

Русский богатырь, красавец, он входил в море, как огромный белый пароход. Юра очень много времени говорил со мной о смысле жизни. Часто задумывался и много рисовал на бумажных салфетках. Обидно, что мы не сохранили их. Дни пробежали очень быстро. Юрочке нужно было уез-

жать в Москву. Я стала рано утром собираться на работу, когда он еще спал, оставила в дверях письмо, в котором благодарила его за прекрасно проведенное с ним время и просила непременно приезжать к нам в гости.

Прошло время. Юра заболел гипертонией в тяжелой форме. Он попросил Иосифа, чтобы я пришла к нему в больницу. Но как-то не получилось, я думала, что это было бы некорректно с моей стороны. Вот выйдет из больницы, тогда и увидимся. А увиделись у Юры на похоронах. Невероятно, что это были его последние дни.

Ты оставил глубокий след в моей душе, Юрочка...

Анька-компотница

Недалеко от нашего домика продавали участок. Его купила молодая семья — Аня и Леня. Аня была домохозяйкой, а Леня настоящим одесским бандитом, вором-рецидивистом. Он с гордостью носил свою кличку "Ленька-дьявол". Когда в выходные дни на пляже собиралась публика, Леня хвастался своими делишками, за которые отсидел несколько сроков. Аня очень редко ходила на пляж. Долго там не засиживалась, боялась своего мужа. Мы все с каким-то опасением относились к нему. Леня был двухметрового роста, здоровый, как медведь, с хриплым голосом, лицо все в шрамах, на груди у него висела массивная золотая цепь с большим крестом. Он часто приносил домой очень внушительных размеров камбалу или судака, брал большой нож, миску и шел на берег моря чистить рыбу.

Как-то Аня проснулась в пять часов утра и сварила огромную десятилитровую кастрюлю компота. Затем поставила кастрюлю на землю, чтобы остудить. А в это время у нас гостил сын приятелей — Игорек, студент МГУ, который в тот день встал рано и решил прогуляться к морю. В то время ни у кого не было заборов. По дороге Игорь увидел на соседнем дворе огромную кастрюлю, от которой исходил очень приятный аромат. У студентов существует поговорка, что воровать книги, ноты и фотографии не считается воровством, просто милая шалость. Двумя прыжками Игорь оказался у злополучной кастрюли, взял ее и приволок к нам домой. Когда я зашла на кухню и узнала, в чем дело, то сильно расстроилась, а еще больше растерялась. Что же делать? Вернуть кастрюлю — не поймут, убьют еще моего бедного студента, и нам самим потом не позавидуешь. Я сильно испугалась. Сердце бешено колотилось. Перелив компот в другие емкости, я быстро отнесла кастрюлю в машину к мужу и отправила его в город. На дачах начался большой переполох. Аня с Ленией ста-

ли искать пропажу. Так случилось, что как раз над их домиком, на горе, кто-то расстелил туристическую палатку. Аня с "дьяволом" ворвались к этим несчастным людям и на глазах у обезумевших туристов начали обыск. "Ребята, если вы компот выпили, то хоть верните кастрюлю!" — кричала Аня. Чуть погодя она пришла ко мне рассказать о случившемся. И что я могла сказать?!

— Аня, украл кто-то из ближайших соседей, начинайте обыск с нашего дома.

— Ну что вы говорите, тетя Фаина, кому же можно верить, если не вам?

С этим и ушла бедная Аня.

Казалось бы, эту историю забыли. Но нет. Каждое лето, сидя на пляже, Аня пересказывала ее со все новыми и новыми подробностями (то в том компоте вдруг появлялась малина, а в следующем ее рассказе неожиданно плавал желтый крыжовник). С тех пор все дачники стали называть ее Анька-компотница. Эту историю я рассказала своим близким и, слушая от Ани очередные новые обстоятельства похищения, они еле-еле сдерживали смех, когда я тут же им тихо говорила: "Но зачем лгать? Не было в этом компоте ни малины, ни крыжовника".

Комендантом нашего дачного кооператива были Миша Беленький и его жена "Надька-пьяница". Почему-то все ее так называли. Надька работала продавцом на одесском Привозе. Так как ее мужу по службе установили телефон, то дачники иногда заходили к Беленьким, чтобы позвонить в город. Однажды Надька купила кастрюлю — по размеру и цвету абсолютная копия потерянной кастрюли Аньки-компотницы. В один из дней Аня зашла к Беленьким позвонить в город родителям и увидела "свою кастрюлю". Надька перехватила ее взгляд: "Чего смотришь? Да, это я украла твою кастрюлю!". В этот же вечер Аня пришла ко мне жаловаться на Надю...

"Что делать, дорогая тетя Фаина? Я нашла свою кастрюлю у Надьки, но зачем с ней ссориться, ведь нам нужно будет иногда звонить по телефону, правда же?"

Пантера

Пантера жила на даче рядом с нами. И конечно же, у нее было имя. Звали ее Фаня Наумовна. Когда мы только переехали на дачу, то знакомясь с соседями, очень удивились, что все как-то загадочно улыбались, говоря: "Какое у вас замечательное соседство с Пантерой!". Внешность Фа-

ни Наумовны действительно напоминала пантеру. Черные раскосые глаза, быстрые, сверлящие, как бы оценивающие тебя, прямой нос, волосы собраны в густой черно-смолистый длинный хвост. Она была крепкого телосложения с толстыми короткими ножками. Все пальцы рук были украшены бриллиантами, в ушах тоже сверкали драгоценные камни, чем Пантера очень гордилась. Это была яркая бабелевская героиня своего времени. К сожалению, тогда у нас не было никаких заборов. А для Пантеры было наслаждение по 5-6 раз в день запросто приходиться к нам на участок, интересоваться, что я готовлю на обед, и вообще, как и чем мы живем. Фактически Фаня Наумовна никогда нигде не работала, но в то же время она могла запросто устроить любого человека (за большие деньги) в институт, на престижную работу, обменять вашу квартиру на лучшую. Это был ее промысел, ее "охота". Пантера умела вкусно готовить. А как она следила за своим лицом! Овощи и фрукты, предназначенные для обеда, она частично клала на лицо. Так и ходила по даче. На одной щеке кусочек клубнички, на подбородке мякоть огурца, а лоб весь в свекле.

Семен Шнайдерман, муж Пантеры, работал грузчиком на рыбзаводе. Он был очень тихий и добрый человек. Люди, давно знавшие Семена, говорили, что выпивать он начал из-за своей жены. У них была дочка Сима, которая одна воспитывала сына Гену. Сима работала медсестрой в больнице, а маленький Гена до вечера оставался с бабушкой.

Смысл жизни Фани Наумовны — деньги. Ее любимое выражение — "Я вас могу купить и продать!". Если она слышала от кого-то на пляже грустную историю (если кто-то вдруг умер), она тут же со слезами на глазах говорила: "Пусть он будет мне здоров!". Она никогда не умела говорить тихо. Если нужно было с пляжа позвать Симу или Гену, то на расстоянии восьмидесяти метров Пантера кричала своим громким голосом: "Оглохли? Пора домой!". У Пантеры была такая хохма:

— Геночка, ты знаешь, где твой папа?

Маленький, без трусиков, всегда в соплях, трехлетний Гена отвечал бабушке:

— Знаю, папа плавает.

— Правильно, Геночка, — говорила Пантера, — гавно тоже плавает.

Пантера часто приходила к мужу на работу посмотреть, с кем он там общается. Она заходила в отдел кадров и начинала расспрашивать сотрудников, как он работает. Несчастный Семен! С тех пор девушки начали издеваться над ним и его женой: то кто-то специально оставит на его рубашке следы помады, то подсунут в его карман носовой платочек со следами от духов. Жизнь Семена превратилась в ад.

Однажды утром Пантера пришла на рыбзавод, прорвалась через охрану — и мигом в кабинет к директору. А в это время у директора проходило важное совещание, на котором присутствовали все начальники цехов. Разъяренная Фаня Наумовна подбежала к нему и угрожающе спросила: "Чем вы здесь занимаетесь, у меня семья распадается, а у вас какое-то совещание?". Мало того, она схватила охапку документов с директорского стола и начала их подбрасывать вверх. С этого дня дирекция одесского рыбзавода издала приказ, чтобы охрана внимательно следила за передвижением Фани Шнайдерман, которую ни при каких обстоятельствах не пропускать на территорию завода. Если она вдруг подходила к проходной, то по внутреннему заводскому радио звучал голос охранника: "Всем внимание, Пантера у проходной!".

Как-то Пантере позвонила одна "добрая женщина" и попросила к телефону "дорогого Сенечку". С тех пор Пантера начала искать человека, согласившегося следить за ним. В один из вечеров, закончив работу, мой муж вместе с Сеней вышли с завода домой. Большую часть пути решили пройти пешком. И вдруг обнаружили за собой слежку. Шаг в шаг неотступно за ними шел пожилой лысоватый мужчина в очках. Как назло, в этот день им на работе дали по пакетику с копченой рыбкой. Леня и Сеня попытались скрыться от слежки, петляя по улицам Одессы. Они думали, что этот человек из "органов" сейчас задержит их с поличным. У Сени сдали нервы, он подошел к мусорному баку и выбросил свой пакет. Леня свой выбрасывать не стал, хотя сердце бешено колотилось. И тут Леня разработал план: "Сеня, мы сейчас подойдем к остановке, я буду отвлекать лысого, а ты быстро сядешь в трамвай". Когда Сеня заскочил в трамвай, то сыщик, потеряв его из виду, повернулся и отправился в другую сторону. Леня пришел домой очень расстроенный. Он обо всем рассказал и предупредил меня: "Этот человек подослан из "органов" следить за нами. Если завтра я не вернусь с работы, значит, меня забрали". Я проплакала всю ночь, мы не спали. Утром Леня ушел на работу. А через час к нам явилась Пантера и говорит смеясь: "Ну, как вчера мой человек напугал мужиков, он у меня на зарплате, тридцать рублей в месяц получает!".

Когда Пантера встретилась на пляже с Юрой Богатыревым, то она сказала ему: "Слушай, все говорят, что ты известный артист, но я тебя не знаю, я в кино не хожу, но если хочешь, я могу с тобой сфотографироваться".

Нам все-таки пришлось ставить забор со стороны Пантеры, но это оказалось совсем не простое дело. С ней началась истерика: "Ну что люди скажут, я же не собака, зачем от меня забор ставите?". Иосиф забивал ме-

таллические столбики для забора — она их вытаскивала. И так несколько раз. Тогда Иосиф принес свое театральное удостоверение и объяснил Пантере, что этот документ выдан правительством Москвы: "Я за свои поступки не отвечаю, вот читайте!". Иосиф объяснил, как у него на работе произошел нервный срыв, после этого он сошел с ума, это считается производственной травмой, и что теперь ему готовят на работе чай с пирожными, разрешают приходить в театр, но самое главное, что он за свои поступки не отвечает. Пантера была поражена. Она побежала по дачникам и всем рассказала, "какие добрые люди живут в Москве — они пожизненно будут кормить этого сумасшедшего, я сама лично читала его документ".

С тех пор Иосиф устраивал спектакли для дачников. Ему доставляло удовольствие играть роль сумасшедшего, ведь у него была прекрасная партнерша. В зимнем одеяле Иосиф заходил в море. На следующий день он брал топор и, увидев приближающуюся Фаню Наумовну, начинал с ним играть. Затем закуривал, гасил спичку и опять прятал эту же спичку в коробок, приговаривая: "Это хорошая спичка, нужно ее сохранить, хорошо горит". Пантера пришла к нам в слезах. Я готовила обед, напевая какую-то песенку.

— Ты поешь, а у тебя сынок совсем больной, почему ты не покажешь его хорошему врачу? — спросила Фаня Наумовна.

Как раз на следующий день к нам должен был приехать большой друг нашей семьи — Петенька Гулько. И я сказала Пантере, что завтра придет известный врач-гипнотизер. Когда Петя появился, я познакомила его с ближайшей соседкой, которая очень подробно сообщила доктору о поведении "больного". Это был интересный спектакль. Вечер, костер, с двух сторон стоят лавки со зрителями. На двух стульях с закрытыми глазами лежит Иосиф, а над ним Петя проводит гипнотический сеанс.

Магическим, завораживающим негромким голосом членораздельно Петя произносит следующий монолог: "Иосиф, вы же умный человек, режиссер, спичка, которая уже однажды горела, не должна оставаться в вашем кармане, а на море, дорогой мой, нужно загорать в плавках, а не в одеяле, с девушками можно знакомиться в театре, на выставках, а не смотреть вдоль моря, никакая русалка оттуда не выйдет". А Иосиф ему тихонько прямо в ухо шепчет: "Петька, убери свое паршивое колено с моей груди". Но этого Пантера не слышала. Она смотрела на гипнотизера с восхищением, рыдала и приговаривала: "Какое несчастье, какой больной ребенок". Соседи еле сдерживались от смеха, закрывая лица руками.

Иосиф очень любил своего маленького племянника Славу. Как-то он

принес небольшую школьную доску и начал учить Славу читать. Пантера услышала это и решила заняться воспитанием внука:

— Гена, скажи, какая это буква?! — громко кричала она.

— Не знаю, — плакал Гена.

— А я тебя, сволочь, спрашиваю, какая это буква? Даже у этого сумасшедшего Слава правильно отвечает!

Когда Пантера укладывала Гену спать, а Юра Богатырев читал мне Булгакова, она громко кричала через забор: "Сволочи! А можно потише, у меня ребенок спит!".

В 1988-м году умер Семен Шнайдерман.

В 1990-м году на наших дачах был сильный пожар. Он начался с домика Надьки-пьяницы, а от него загорелись все наши дачи. В августе 1991-го Фаня Наумовна с дочкой Симой и Геной уехали в Израиль, город Натания...

Котлеты горят — туши примус

Мою старшую сестру Этьеньку всегда все любили, и любят по сей день. Она с молодых лет какая-то мудрая и степенная. Скромная, говорит всегда негромко, тихо смеется. Этьенька обладает редким в наше время качеством — никогда ничего не преувеличит и не солжет. Общаться с ней одно удовольствие. Этьенька много лет проработала педагогом, обладает прекрасной памятью и много читает. Ее муж Захар Михайлович — добрейшей души человек. Он закончил всего пять классов школы, много работал. А потом война... У Захара погибла вся семья. Он вернулся с фронта с орденами и медалями. После войны они с Этей поженились. Захар служил в армии 32 года, но так как у него не было образования, он так и остался "любимым старшиной". Да, его не просто уважали, его все любили. Этя и Захар поселились в Одессе в двухэтажном флигеле для семей военных. Там у них родились две прекрасные умные замечательные дочери Альбина и Лена. А потом жизнь протекала, как у всех. Дети в школе, Этя и Захар на работе. Помню, как все любили слушать Этины рассказы, потому что они были честные и правдивые. Когда дети повзрослели, вышли замуж, у Эти появилось больше свободного времени. А летом все выходили во двор. Надо сказать, что двор у них был чудесный, зеленый. Соседям удалось сделать собственный огород с помидорами, огурцами, зеленью, чесноком. Поставили лавки и разговаривали "про жизнь". "Этьенька, расскажи нам что-нибудь..." И она начинала своим негромким голосом. Это были рассказы довоенные, о войне, а также о том, что ее волновало. Пере-

бывать Этю, да и, наверное, любого рассказчика, считалось крайне неуважительно. Через несколько лет у Захара начались проблемы с сердцем. Инфаркт, потом второй, затем третий. С каким теплом и заботой Этя ухаживала за мужем! Захар был поистине интеллигентным человеком, несмотря на пятиклассное образование. Если в окно залетала муха, он, будучи больным, с любовью обращался к Эте: "Дорогая, выпусти ее на улицу, пусть живет".

Но вернемся к тем бедным, но веселым временам. Воскресенье. Этя жарит котлеты, а рядом, в кастрюльке, — варит картошку для пюре. Захар поглядывает за процессом. Вдруг он почувствовал запах гари:

— Этя, котлеты горят!

— Туши примус, — спокойно сказала Этя, продолжая начатый рассказ для увлеченных слушателей, окруживших ее.

С тех пор в нашей семье и появилась шутка: "Этя, котлеты горят — туши примус!".

Мне больно

Вообще, я очень терпеливый человек. За всю свою жизнь перенесла 11 операций. Терпела... Это физическая боль, но я хорошо чувствую, что такое душевная боль. Мне больно, когда унижают мою национальность. Когда мой муж вернулся с фронта в орденах и медалях с многочисленными ранениями, один подонок из нашего колхоза (кстати, не воевавший) ехидно спросил его: "За сколько ты купил эти медали?". Но мой Леня в долгу не остался, думала, что он его убьет. Мне больно воспринимать "комплименты" типа "Вы совсем не похожи на еврейку" или "Хоть он и еврей, но хороший человек". Мне больно, когда евреи прячутся за другими фамилиями, когда они заискивают и стараются изменить свой еврейский акцент, чтобы, не дай Бог, никто не догадался об их происхождении. Мне больно, что мы не знаем свой родной язык, свою культуру, что мы стесняемся ходить в синагогу... Мне было больно 11 сентября, я целый день не отходила от радио и телевизора. Телефонная связь с Америкой отсутствовала. В Америке живет мой внук Слава, и в это время он как раз работал в бизнес-центре на Манхэттене. Я внимательно следила за событиями. А по российским каналам проходил общественный опрос мнений. И, к моему большому сожалению, многие люди желали, чтобы Америку "стерли с лица земли". Народ выступал со словами ненависти: "Американцы помогают евреям". Мне больно, что многие мои друзья, по отцу евреи,

всю жизнь живут, прячась, стыдясь и скрывая это. Мать одного прекрасного артиста и человека по очень большому секрету рассказала мне, что его отец еврей, — и от этого мне стало еще больнее... Вспоминаю свой довоенный колхоз: прекрасных, красивых еврейских парней, ушедших на фронт, в том числе и моего любимого брата Мишу, — они не вернулись домой. Из всех пришли только трое...

Мне очень больно, что погибли мои родители, ведь они были почти вдвое моложе меня. Помню, что до войны у нас были куры и две свиньи. Мы никогда не видели, как отец резал или обрабатывал кур, чтобы не ранить наши детские души. А когда пришлось поспешно эвакуироваться, отец зарезал двух свиней, они так и остались лежать в луже крови посреди двора. А потом на подводе мы проезжали мимо колхозного сада. Я увидела низкорослые абрикосовые деревья, которые клонились к земле под тяжестью крупных спелых плодов. Я часто вижу перед глазами все эти картины...

Подруга Клары Койфман осталась жива и рассказала нам, как у Клара во время бомбежки начались роды. Кругом пыль, грязь, камни. Тогда одна женщина подбежала к ней с камнем, перебила пуповину, в подол юбки завернула живого новорожденного ребенка и побежала дальше. Клара погибла, так и не узнав страшную историю о том, как немцы заставили ее мужа Юлиса Шульца живыми закопать своих двоих малышей, рожденных от "немца и еврейки".

Когда мне плохо, я часто думаю о своей маме. Часто размышляю над афоризмом: "Друга проверяют в беде". С этим я не согласна. Я наблюдала, как совершенно незнакомые люди пытались посочувствовать, помочь друг другу. Мы часто плачем за героев фильмов и спектаклей, обижая при этом тех, кто рядом с нами. И жизнь доказывает обратное: "Друга узнают в радости". Моя мама говорила: "Друг тот, кто радуется, если за стенкой смеются". А еще в раннем детстве я слышала от мамы: "Доченька, ты должна желать человеку, чтобы ему было лучше, чем тебе". "Почему лучше?" — думаю я сегодня. Но это вопрос не к моей маме. В этом был ее характер, ее смысл жизни. Ладно, никого не хочу судить. Все равно Бог один для всех — это как-то успокаивает...

Как Евсейка маму хоронил

Евсейка всегда очень веселый и озорной, хотя ему уже немного за семьдесят. Каким-то невероятным образом он сохранил эти качества: балагур, прошел всю войну до Победы. После войны он переехал из малень-

кого украинского местечка в славный город-герой Одессу. Там, естественно, с таким характером он пошел на курсы фотографов и стал со временем знаменитым мастером. Евсейка умел снимать! Девушки, глядя на него, заливались тем заразительным открытым смехом, который бывает только в молодости. Он подмигивал молодым учительницам, когда те в очередной раз приводили сниматься своих учеников перед предстоящим праздником либо выпускным вечером. Евсейка делал прекрасные групповые снимки, виньетки и портреты. Трудился он неутомимо, даже на ночь брал работы домой, чтобы их получше отретушировать. А потом Евсейка разбогател. Он стал покупать дорогую модную мебель, картины, шторы и посуду. Книг он не любил. И зачем нужны книги, когда и так все есть?

Но вот случилась беда: у Евсейки умерла мама. Середина лета в Одессе, центральная улица Пушкинская, знойная жара, гроб с несчастной старушкой вынесли во двор. Его поставили на трех табуретках. Казалось, асфальт плавится от жары. К гробу подходили люди, скорбно подносили цветы. Приехали родственники из других городов. Все было довольно скромно, без музыки, без возгласов. Так как ворота были открыты настежь, то проходившие мимо невольно заглядывали во двор, кто-то просто заходил. А два дня тому назад Евсейка купил в комиссионке очень красивую хрустальную люстру, которая висела теперь без всякого внимания. Но нет, вы плохо знаете хозяина! Что же делать? Водитель катафалка умоляюще посматривал на часы и на хозяев. И тут находчивый Евсейка разыгрывает сердечный приступ, тем самым зазывая всех в дом. Кто-то попытался налить ему валидол, кто-то посоветовал лечь и выпить холодной воды. Но нет! Евсейка со слезами вышел на середину большой комнаты и, подняв руки вверх, то есть явно указывая на сверкающий новый объект любования, воскликнул: "Мамочка, на кого же ты меня покинула! Люди добрые, кто же теперь будет любоваться этой красавицей люстрой?". Все недоуменно переглянулись и пошли провожать несчастную старушку в последний путь...

Наш одесский двор

Как давно это было, но помню почти все. Наша жизнь в одесском дворе по улице Чижикова, 99, проходила с 1946 по 1983 годы. Позже мы поменяли эту квартиру на другой район, и уже новую замечательную светлую четырехкомнатную квартиру в самом центре Одессы мы поменяли на Москву, чтобы жить рядом с Иосифом и его семьей.

Но вернемся к нашему старенькому дворику. Здесь было всего 34 квартиры. Наша завершила двор. Здесь ничего нельзя было утаить. Жили, как в большой шумной итальянской семье. В основном, все квартиры были коммунальные. Первыми нашими соседями по коммуналке были грек по фамилии Макинас с женой Маней. Кроткая тихая Маня и грубый жестокий Макинас. Детей у них не было. Макинас работал в соседней с нашим двором столовой. Он всегда был недоволен своей женой, кричал на нее, а иногда и бил. Но что-то дрогнуло в сердце Макинаса, когда он увидел нашего маленького сыночка. Он буквально спасал Иосеньку от голода. Каждый вечер Макинас приносил из столовой объедки — борщ, кашу, салат. Мы тогда не думали о том, что можно заразить ребенка инфекционными заболеваниями. Но Бог миловал. Большое спасибо Макинасу.

Вскоре к нам поселили Валю Райко. Как оказалось, она была "в очень близких отношениях" с нашим управдомом Ушаковым и, как я потом поняла, ее вселение было незаконным. Ушаков уговорил меня, а вернее сказать, обманул: "Фаиночка, но разве тебе помешает тихая скромная одинокая учительница?". Мой муж в то время находился в Магадане, куда вербовался водителем на три года.

Так Валя появилась в моей жизни. Через неделю она забрала из детского приюта своих детей-двойняшек — Таню и Вову. Жизнь пошла своим чередом. Валя работала в школе учителем младших классов, в самом дальнем районе Одессы. Ей приходилось добираться туда тремя видами транспорта. Вставала она в 5 часов утра. Воды в доме не было. Во дворе общественный туалет, в котором всегда бегали большие крысы. Ей нужно было принести воду, затопить печку, накормить малышкой, отправить их в ясли и самой не опоздать на работу. У Вали была удивительная внешность: большие синие глаза, всегда прямая осанка, прическа Леси Украинки или Юлии Тимошенко (из украинского правительства). Толстая длинная коса обвивала по кругу ее русые волосы. Стройная, всегда на высоких каблуках, Валя приковывала к себе взгляды мужчин.

Вскоре мы с Валею очень подружились. Я старалась хоть чем-то ей помочь, хотя жила в таких же ужасных условиях. Прошло время, вернулся мой муж. Леня тогда устроился работать на плодоовощную базу. Работникам базы разрешалось покупать фрукты и овощи по низким ценам. Я немного консервировала, делала заготовки на зиму. Чтобы не смущать Валиных детей, я специально оставляла открытые банки с помидорами, огурцами и фруктовыми компотами. И очень радовалась, когда маленькие Таня и Вова все вылавливали из этих банок.

В личной жизни Вале не везло, не встретился любимый человек. Двойняшки появились у нее совершенно случайно. Из маленького города Балты в командировку приехал красивый молодой человек по имени Дмитрий Вишнев. Они случайно познакомились, начался бурный роман. А позже Валя узнала, что беременна, и уже очень большой срок. Так появились на свет Таня и Вова. Но Дмитрий продолжал жить со своей семьей, изредка приезжая к Вале. И надо же такому случиться! Однажды ко мне приехала двоюродная сестра Лиля из Балты, а наутро, проснувшись, она не поверила своим глазам: "А что здесь делает мой сосед Дмитрий?". И Лилия рассказала о том, что в Балте они живут по соседству, что у Дмитрия замечательная жена, которая работает врачом в районной больнице, и двое прелестных малышей. Как тесен мир!

Потом у Вали был роман с директором ее школы. Иван Яковлевич был старше Вали на 11 лет. Он был женат на учительнице математики, но детей у них не было. Иван Яковлевич часто оставался у Вали ночевать. Однажды он сделал ей предложение руки и сердца, но с условием, чтобы Валя сдала сына Вову в детский дом. Опять боль, опять обида, но Валя очень сильный человек. Она выгнала своего директора из дому. Но для выживания нужны были деньги, и Валя продолжала работать в школе.

Через год встречи с Иваном Яковлевичем возобновились. Она снова забеременела и пришла ко мне с просьбой, чтобы я поговорила с ним. Мне было очень больно за Валину судьбу. Мы были с ней как сестры. Я решила поговорить с Иваном Яковлевичем и узнать, насколько серьезны его намерения. И в этот раз он опять смалодушничал и сказал: "Валя, ты же знаешь, что я на тебе никогда не женюсь, и освободись от этой беременности". Бедная Валя! Это был страшный день. Она попросила, чтобы я не отходила от нее.

Напротив наших окон в подвале жила тетя Соня. Этот подвал был настоящим притоном, а тетя Соня бандаршей и повитухой. На свет появился шестимесячный мальчик, зевнул и тут же умер. Валя положила ребеночка в коробку от обуви и похоронила в подвале нашего двора, присыпав землей...

Прошли годы. Таня с Вовой повзрослели. К нам в район прислали нового участкового. Болгарин Богдан 23 лет, худощавый невысокий парень. Когда они познакомились с Валею, ей шел 42-й год. Богдан влюбился в нее без памяти. Никакие уговоры со стороны родителей и друзей не могли остановить его. А Вале необходимо было кому-нибудь отдавать свою нерастраченную любовь и нежность. Вскоре они поженились, а через год у Вали и Богдана родился сын Ярослав.

Наша семья жила в проходной комнате, и все Валины гости ходили через нас. Она была очень аккуратной женщиной, полы всегда натирала мастикой. Кстати, у меня в единственной комнате тоже всегда было чисто, но все Валины гости оставляли почему-то свою грязную обувь на нашей половине — к ней же заходили в носках. Богдан поступил в институт на юридический факультет, продолжая работать в милиции. А когда маленькому Ярославу исполнилось три года, Валя получила трехкомнатную квартиру в районе Черемушек. Она даже расстроилась, говорила, что не сможет жить без меня: "Верись, Фаинка, я не рада этой квартире, как же я буду жить вдали от тебя!". И они начали перевозить вещи в новую квартиру. Валя попросила у меня займа 100 рублей на покупку мебели, пообещав при первой же возможности вернуть долг. В те времена это были большие деньги. И, кстати, единственное, что мне удалось собрать. Но шли месяцы, годы, денег она не возвращала, на телефонные звонки не отвечала, стала меня избегать. Я думаю, у нее просто не было денег, чтобы мне отдать.

Прошло еще два года. Богдан встретил и полюбил на работе молодую женщину. В его новой семье родилась дочка. Бедную Валю опять бросили. В 1985-м году умер от алкоголизма старший сын Вова, а через четыре года спилась и умерла Танечка. Очень жаль: она всегда росла хорошей девочкой, аккуратной, доброй, в школе училась только на "отлично". Вали не стало в 2002-м году..

Вареники с вишней

Не могу не вспомнить нашу соседку Верочку Панову. Такая шустрая была, быстрая, всегда торопилась. Ее любимым выражением было "чик-чак". Прямо-таки прообраз Элочки-людоедки. Когда она говорила: "Чик-чак", — это означало: "Я могу сделать это очень быстро". Вера всегда жила одна, но при этом оставалась неунывающей, какой-то очень ласковой, неозлобленной. Она смотрела за детьми у состоятельных людей, гордо называя себя "фребеличкой".

Однажды я зашла к Верочке — одолжить три рубля до зарплаты. У нас во дворе почти все выручали друг друга. Это было жарким летним днем, окна у всех были открыты. По запаху можно было определить, что готовят соседи на обед. У Верочки на столе стояли несколько мисок: одна с тестом, вторая с вишней. Она тщательно вымыла ягоды, набрала несколько штук в рот и, не обращая на меня никакого внимания, начала в одну тарелку выплевывать косточки, а в другую — отделенную от косточек вишню.

— Верочка, что ты делаешь? — удивленно спросила я.

А она мне в ответ:

— Это, Фаина, я изобрела новый способ чистить вишню — чтобы сок не пропадал!..

Война на Кипре еще не закончена

В нашем дворе жила семья Куницких: глава семьи Анатолий Иванович, его жена Люба, дочь Алла и сын Гена. Их семья была материально обеспечена. Анатолий работал шеф-поваром санатория "Украина". Он был среднего телосложения, улыбчивый голубоглазый краснощекий мужчина. Когда Анатолий надевал свой белый колпак и вытуженный накрахмаленный халат, то вся семья начинала веселиться. "Ну, просто пестух, входящий в свой курятник..." — полубоженно говорила Люба.

С раннего детства Люба с родителями жили в этой квартире, а Анатолий приехал из села учиться в технологическом институте. Тогда он снимал у них комнату.

Полюбил Толя Любу или нет, но вскоре они поженились. В 1953-м году у них родился сын Гена, а через два года — дочь Алла. Сама Люба была маленького роста, какая-то нескладная. Бывает такой тип женщин, у которых трудно определить возраст. Люба была влюблена в своего мужа. В ее глазах всегда была тревога и вопрос: "Что делает мой Анатолий, где и с кем он сейчас проводит время?". Может быть, из-за ее подозрительности (а может, на то и были причины), Анатолий никогда не спешил домой, возвращался поздно, иногда навеселе...

Алла росла умной веселой девочкой, хорошо училась в школе, участвовала в КВН. Однажды она пришла домой и застала свою маму в слезах. Люба сказала дочери, что так жить она больше не в силах. Ее замучили подозрения: "Доченька, твой отец нам изменяет, ну придумай что-нибудь, как нам узнать правду?". Алла попыталась успокоить маму, но Люба заходилась от рыданий и умоляла дочь сегодня же проследить за отцом и все узнать.

Алла вышла на улицу к телефонному автомату, набрала рабочий телефон отца. Когда Анатолий Иванович взял трубку, дочь произнесла целый монолог (она изменила голос, положив на трубку салфетку). Она сказала отцу, что уже несколько месяцев наблюдает за ним, "влюблена по уши" и непременно желает сегодня же прийти к нему на свидание. Анатолий Иванович очень оживился, поинтересовался внешностью и возрастом прекрасной незнакомки. "Но где же назначить свидание и как вас

узнать?!" А потом он вдруг очень обрадовался своей мысли и сказал: "Раз вы знаете, где я живу, то подойдите, пожалуйста, в восемь часов к моему балкону и произнесите пароль — "Война на Кипре еще не закончена".

В тот вечер наш герой пришел домой раньше обычного. Сильно суетился, тщательно выбирал рубашку, галстук, одеколон. Как назло, ровно в 19 часов по телевизору должен был транслироваться международный чемпионат по футболу. Сборная Италии — сборная СССР. Анатолий Иванович смотрел матч в нарядном костюме, нервно поглядывая на часы. А после 19.30 он начал частенько выходить на балкон. Восемь часов вечера — под балконом никого нет. Половина девятого — опять никого. И тогда очень расстроенная, Алла вышла к нему и спросила прямо над ухом: "А что, война на Кипре еще не закончена?"...

Три хризантемы на окне

Напомню, что наша квартира находилась в самом конце двора. Окна выходили на соседнюю улицу — Комсомольскую, 137, в совершенно незнакомый нам двор. 17 ноября 1975-го года моя Оля родила сыночка Славу. Мы жили все вместе, и все свое свободное время проводили с любимым внуком. Прошло три года. 17 ноября 1978-го года, в день рождения Славы, дочь решила сделать мне приятное. Рано утром она побежала на рынок Привоз и купила мне три большие хризантемы: сиреневую, белую и желтую. Я поставила цветы на подоконник. Мы с Олей решили вечером отпраздновать день рождения именинника, и она ушла на работу.

Прошел час — и вдруг звонок в дверь. Открываю. Стоит незнакомая женщина, которая с криками и угрозами пытается ворваться в нашу квартиру. Что случилось? Женщина что-то прокричала про цветы. Я опять ничего не поняла. Вдруг у меня возникла мысль, что, может быть, какие-то наши цветы выпали из окна и кого-то ударили.

— Объясните мне, наконец, в чем дело? — спрашиваю я.

— Зачем вы цветы выставили на окно?

Я объяснила ей, что сегодня у моего внука праздник. И в чем, собственно, дело?

А эта женщина кричит в ответ:

— Меня ваши цветы раздражают! Если у вас праздник, так весь двор должен это видеть?

Так как входная дверь осталась открыта, на ее крик сбежались соседи. Поняв, что произошло, они вытолкнули эту женщину за дверь, но она все

не унималась, продолжая угрожать, что пожалуется на нас своему мужу милиционеру.

Наш одесский двор — это целый мир. На воротах надпись: "Во дворе туалета нет", хотя около туалета на гвозде всегда висел большой ключ. Сейчас все стараются сажать в своих дворах много деревьев. В нашем же росла единственная огромная акация. В самом центре стоял длинный самодельный стол с двумя лавками. В то время телевизор считался большой роскошью, и далеко не каждый мог его приобрести. За этим столом играли в домино, делали совместно уроки, разучивали песни под гитару, обсуждали последние известия.

Наш маленький дворик, в котором мы жили, соединялся с большим двором каменным проходом или подъездом. В нем стоял теннисный стол, иногда ребята играли там в мяч. Все вторые этажи имели застекленные балконы, из которых "наблюдали за двором". Всё и все на виду — ничего невозможно было скрыть.

За углом от нашего двора находился знаменитый рынок Привоз. Когда была возможность купить курицу или кусочек мяса, то "это" клали на самое дно корзины, а сверху овощи или какую-нибудь зелень. Как-то я решила приготовить отбивные и купила небольшой кусок мяса. Звонок в дверь. Пришла соседка с первого этажа:

— Фаина, вы сильно стучите молоточком, кстати, за сколько вы купили мясо?

Напротив акации в центре двора жила семья Волховских: Сергей, Муся и двое детей — Галя и Петя. Во время войны семнадцатилетний Сергей Волховской был полицаем, сотрудничал с немцами. И это не помешало дружить нашим дочерям. Никто Сергея не выдал, не посадил, не наказал. В мирное время Сергей работал на пивзаводе, в выходные дни иногда играл с моим мужем в домино.

Рядом с Волховскими жила семья Хвацких. Пожилая мать Ирина Петровна, ее сын Павел с женой Ольгой и дочерью Ириной. Павел работал инженером, Ольга педагогом, Ирочку обучали игре на фортепиано. Потом у Павла начались проблемы с сердцем. Я хорошо помню его похороны. Ему было всего 42 года. В холодный осенний день автобус отвез соседей на кладбище. Вдруг поднялся сильный ураган. Ветер сорвал шарф с головы несчастной Ирины Петровны, но она даже не вздрогнула. Она не плакала, не голосила. Ее взгляд был устремлен на свежевырытую яму. И вдруг мать тихо сказала, как бы сама себе: "Как же ты выберешься отсюда, сыночек?".

В нашем дворе было три медалиста, все они окончили школу с золотыми медалями — Павел Жематий, Валера Корецкий и Виктор Великий. Этих молодых людей никогда не увидишь во дворе. Они всегда были заняты учебой.

В 1981-м году рядом с семьей Хвацких поселились Жора и Клава Терзезман. Они были украинцы и очень переживали, откуда у них такая еврейская фамилия. Жора был большой труженик, он работал машинистом поезда, а Клава была домохозяйкой. С "коллективом" двора она никогда не сидела. У Клавы была летняя сетка на все окно. Проходя мимо окон Терзезман, можно было часто видеть полную зорко наблюдающую за двором Клаву. Как-то, смеясь, Жора с гордостью спросил: "Ребята, а кто из вас сможет в слове из трех букв сделать пять ошибок?". Жора объяснил, что Клавочка в письме к своей сестре слово ЕЩЕ написала ИСЧЬО. Но это совсем неважно. В семье Терзезман были очень нежные отношения и очень сильная любовь. Они жили друг для друга. Спустя несколько лет Клава заболела гипертонией. Жора выхаживал жену, как ребенка. Читал ей "Вечернюю Одессу", покупал на Привозе самые вкусные и свежие продукты. А когда Клавы не стало, Жора не смог пережить это горе и через 7 месяцев ушел за своей любимой...

Семья Липецких состояла из двух человек. Мать Лида и дочь Оля. Они работали на дому. В то время это было запрещено. Лида шила нижнее женское белье, прекрасные грации, а Оля была дамским парикмахером. К ним "на прием" записывались на неделю вперед. Соседка Ася Апреленко постоянно писала доносы в финотдел. Ох уж эта неугомонная Ася... Иногда в выходной день к нам заходили соседи — поиграть с Ленией в домино. И уже на следующий день в одесском КГБ лежало письмо-донос от Апреленко, что мы "изготавливаем пули в чугунном казане". В один из таких дней к нам пришли трое военных с обыском. Глубокая ночь, дети уже давно спали, я тоже дремала. Леня не мог понять, что они ищут. Ничего не найдя, один из солдат в бешенстве закричал: "Но где же эти пули, которые вы изготавливаете?". Леня, еще не совсем проснувшись, спросил: "А что, война началась?". И тогда один из солдат показал донос, написанный Асей Апреленко.

Под нами на первом этаже жила Сусанна. Ее все нежно называли Сюзенькой. Милая, очень мягкая, приветливая худощавая старушка. Хотя какая там старушка? Сусанне было где-то 60-65 лет, но нам казалось, что она в преклонном возрасте. Жила Сусанна совершенно одна. Во время войны вся ее семья погибла. Есть люди, при встрече с которыми всегда

остается на душе тепло и покой. Тихая интеллигентная образованная Сусанна. У нее в квартире всегда было много книг, пахло лекарствами, вали-
долом. Я хорошо помню накрахмаленные и выглаженные занавески и ска-
терти. А еще вспоминаю варенье, которым так часто Сюзенька угощала
нас. Это было варенье из белой черешни и варенье из персиков, внутри ко-
торых лежал грецкий орех. Мой Леня старался привезти Сусанне какие-
нибудь овощи, чем-то помочь по хозяйству. Очень больно, когда такие лю-
ди уходят из нашей жизни.

А как не вспомнить Мартынова Савелия Матвеевича? Савва с женой
Нонной и сыном Сергеем поселились в нашем дворе весной 1972-го года.
Наши балконы были расположены напротив друг друга. С первых дней
Савва пришел знакомиться с нами, и мы сразу прониклись обоюдной сим-
патией друг к другу. С раннего детства Савва рос в детском доме, а в шесть
лет его взяла на воспитание бездетная еврейская семья. Со временем он за-
кончил военно-медицинскую академию и работал врачом на подводном воен-
ном судне. Савва был очень интересным рассказчиком, с большим чувством
юмора. Сначала мы не понимали, почему Савва не знакомит нас со своей
женой. Но когда мы с ней познакомились, то кое-что стало проясняться.

Нонна была какая-то пугливая, нелюдимая, часто заговаривалась.
В квартире все время ходила в пальто, а потом ложилась в нем спать. Ее
мучили страхи, началась мания преследования. Однажды Нонну увезли
в психиатрическую лечебницу. По выходным дням Савва забирал жену
домой. Он вкусно готовил, общался с Нонной очень ласково и нежно. Ко-
гда я разговаривала с Нонной, то поняла, что ей самой нравится жить
в больнице. Там ее немного подлечили. Через несколько месяцев врачи
хотели выписать Нонну домой, но она предпочла работать санитаркой
в больнице и там жить. Ее совершенно не интересовала другая жизнь.
Сын Мартыновых Сергей окончил Московский физкультурный институ-
т, а потом работал тренером по многоборью, участвовал во всесоюзных
соревнованиях по этому виду спорта.

В нашем маленьком дворе росла вишня. В мае, во время цветения, она
покрывала наш дворик своими белоснежными лепестками. Чтобы полю-
боваться этой красотой, нужно было встать пораньше, пока не проснулся
дворник Федя. Почему-то первым делом он хватал метлу и "выметал всю
красоту со двора". Вишня была очень высокая, наверное, она заслоняла
свет нашему дворнику. Когда мы с Саввой не видели, то Федя потихоньку
обрезал вишню. Мы с ним никогда не спорили. Однажды рано утром весь
двор проснулся от возгласов Фединой жены Тани — Федя повесился...

В Одессе с водой всегда были большие проблемы. В центре большого двора находился общественный кран. В него ставили большую миску и полоскали белье. Летом набирали корыто с водой, от солнца вода прогревалась, — и купали малышей. А чтобы развесить постиранное белье, нужно было с утра занять очередь на общественную дворовую веревку. И вот однажды Савва Мартынов откуда-то принес катушку с канатом и протянул его между нашими балконами. Вот это было чудо! Теперь наше белье висело на втором этаже, никому не мешая и доставляя нам радость! В 1982-м году мы поменяли нашу квартиру на другой район. Времени не хватало, но иногда мы заходили в наш дворик, чтобы увидеться с соседями.

Живя в Москве много лет, я часто вспоминаю всю свою одесскую жизнь. Два года тому назад мы с Иосифом отправились на машине в Одессу Потом заехали в наш колхоз. К сожалению, из знакомых людей мы уже никого не застали.

Три сестры

Ривочка родилась в 1901 году в Одессе, в районе со смешным названием Пересыпь. Как поется в известной песне: "...но и Молдаванка, и Пересыпь обожали Костю моряка". Ее отец работал часовщиком, а мать была домохозяйкой. Кроме Ривочки в семье росли еще две дочери — Дора и Эля. Сестры были очень дружны между собой. Эля росла очень веселой, игривой, озорной девочкой. С раннего детства она интересовалась театром. Учась в гимназии, она посещала драмкружок, а позднее работала в Одесском еврейском театре. К сожалению, Элина жизнь оборвалась в 29 лет. После тяжелой пневмонии врачам так и не удалось ее спасти.

Старшая сестра Дора — всегда уравновешенная, цельная, добрая. В браке у Доры родились три сына — три богатыря. Она очень много работала, старалась, чтобы дети получили хорошее образование. Забегая вперед, скажу, что когда сыновья повзрослели и обзавелись своими семьями, — то ни один из них не помогал одинокой маме. Мало того, старший сын Семен много лет работал за границей, а позднее, живя в Кишиневе, даже свой адрес матери не оставлял. Средний сын Гриша работал в банке экономистом, за какую-то сделку сел в тюрьму, а бедная Дора откладывала свою крохотную пенсию (голодая в буквальном смысле этого слова), передавала посылочки сыну в тюрьму. Младший сын Миша, "чтобы не пропала мамина квартира", сделал обмен и взял ее к себе.

Поверьте, Дора никому не жаловалась. Нам соседи рассказывали. Миша выключал маме свет, не давал пользоваться водой (а жили они на 2-м этаже), и несчастная старушка ходила вниз по очень крутой металлической лестнице. Когда к Мише приходили гости, он запирали маму в маленькую темную кладовку, не разрешая ей выходить. Откуда берется такая жестокость по отношению к родной маме? Но Бог им судья...

Вернемся к Ривочке. Она была младшей дочерью. Времена были смутные. Как говорили в Одессе, "на каждой улице совсем другая власть". Отец Фани Каплан — той самой, которая стреляла в Ленина, — был часовым мастером. Он работал вместе с Ривиным отцом. С детства девочки очень дружили между собой. Ривочка росла очень красивой: беломраморное лицо, прямой греческий нос, глубокие карие глаза, стройная, не по годам статная, но очень скромная и очень молчаливая. Когда Риве было 14 лет, она совершенно случайно познакомилась с фельдшером Ефимом. Какая-то искра пробежала между ними. Это была любовь с первого взгляда. О такой любви поэты слагают стихи.

В те времена девушек рано выдавали замуж. Рива с Ефимом поженились. Когда Ривочке исполнилось 15 лет, она подарила Ефиму сыночка Петеньку. Шел 1916 год. С первых дней жизни Петя поражал всех своим задумчивым взглядом. Казалось, он за всеми наблюдает и все понимает. Ефим много работал, а Ривочка его всегда с любовью ждала. С детской любознательностью и непосредственностью она слушала рассказы Ефима о работе, о жизни. Доктор был старше жены на 10 лет. Он испытывал какую-то необыкновенную нежность и отцовскую заботу к Риве и сыночку. Как они были счастливы! Ефим много занимался с сыном. Маленький Петя обожал отца. В 5 лет малыш свободно читал детские книжки, учил с отцом немецкий и английский языки, играл в шахматы. В 7 лет Петенька поступил в гимназию. Учителя не могли нахвалиться им: воспитанный, интеллигентный, аккуратный. Он выделялся среди других учеников, сам не замечая того.

Так уж повелось, что счастье не бывает долгим... Что-то Рива стала замечать у Ефима частые головные боли, тошноту, слабость. Однажды вечером Ефим сел к кровати сына и долго-долго очень грустно глядел на него.

Ефим был хорошим врачом. Страшный диагноз — рак мозга... О чем тут говорить? Не буду описывать их страданий. Через 7 месяцев Ефима не стало. Но Риве нужно жить ради сына. Она как-то виновато-растерянно смотрела на мир, все еще не веря в то, что произошло...

Меер и Рива

Меер жил в колхозе под Одессой. Крепкого телосложения, коренастый сильный человек. Его слово было весомым. Меер с детства хорошо знал, что такое труд. Он имел лошадь, корову, кроликов, кур, огород, огромный виноградник. Меер любил поговорить, выпить собственное домашнее вино. Они были очень разные — Меер и Рива. Но, наверное, так было угодно судьбе, их познакомили. Рива не любила Меера. Это был другой мир, чужой и непонятный для нее. Не знаю, сломалась ли Рива под его натиском, уговорили ли ее подружки, а может быть, просто не хотелось жить в одиночестве (к тому времени умерли ее родители — не с кем было посоветоваться).

Рива с Петенькой переехали жить к Мееру в колхоз. Уже через 5-6 месяцев Рива поняла, как она ошиблась. Меер не любил Петеньку, кричал на него, а порой и руку прикладывал. В 1924 году у Ривы и Меера родился сын Леонид. Парадокс судьбы: Ленею они назвали малыша в честь Ленина, хотя напомним, что Ривина подруга детства — Фаня Каплан — смертельно ранила "вождя революции". В 1926 году у Ривы с Меером родился еще один сын — Григорий. Рива старалась всем детям уделять внимание. Меер же наоборот: был в воспитании детей очень жестоким. У них в доме жили три кошки, а в кухне на большом гвозде висела плетка, которой Меер "воспитывал животных".

Петеньке было очень плохо в этом доме. Ему казалось, что его никто не понимает. За любую провинность Меер наказывал его и отправлял в темный чулан. Бедная Рива не раз пыталась защитить сыночка, но и ей доставалось. Страшная трагедия произошла в 1928 году. Пятнадцатого августа, в жаркий знойный день, Меер с Ривой и двумя маленькими сыновьями отправились к соседям на свадьбу. За какой-то "проступок" Петю оставили дома. А когда вернулись — он уже висел в сарае на веревке... Так Рива в свои 27 лет стала совершенно седой.

Годы шли. Меер работал в колхозе, а Рива — по хозяйству. В 1941 году Леня ушел на фронт, а Гриша эвакуировался с родителями (ему было всего 15 лет). И вдруг в один из дней Гришу поймали на улице, привели в военкомат и решили отправить на фронт. Прибежали родители с документами и стали доказывать, что сыну только 15 лет, но комиссия решила, что он "выглядит" на 18 лет, и ему пора на фронт.

Судьба была благосклонна к обоим сыновьям. Гриша воевал в пехоте,

дошел до Берлина с многочисленными медалями и 2-мя орденами Славы. А Леня был танкистом, отважным разведчиком, он тоже дошел до Берлина, расписался на Рейхстаге, вернулся с 2-мя орденами Славы и медалями. Эти два брата получили на войне различные ранения. Леню трижды оперировали. Бывали случаи, когда он сам у себя ногтем вынимал из голы мелкие частицы осколков.

Наконец-то судьба сжалилась над Ривой, и оба сына живыми вернулись домой. А в 1946 году мы с Ленией поженились, а младший брат Гриша женился на моей родной сестре Бронеславе. В доме у Меера мне тяжело жилось. Он постоянно проявлял свой грубый деспотичный характер.

Однажды, когда я была беременна своим первым ребенком, произошел такой случай. С утра я начала перекрашивать их дом. Старики уехали на рынок. В это время ко мне зашла соседка, тоже беременная. На столе стояла миска с солеными огурцами. Перехватив взгляд подружки, я тут же предложила ей огурцы: "Ой, Фаинка, зачем ты это сделала? Старик увидит — тебя убьет". — "Ничего страшного", — смеясь, ответила я. И надо же такому случиться! В это время в дверях появился Меер. Так как в этом колхозе разговаривали на украинском языке, то Меер не закричал, он заревел на весь колхоз, глядя на меня: "Вон з моей хаты, воровка. Вот хто мое добро раздає!".

Все знали нашу семью. Мы были родом из этого колхоза. Мои родители погибли во время войны, попали под бомбежку. Меер не унимался, он кричал все громче и громче. Двери были открыты настежь. Люди, проходившие мимо, в ужасе останавливались. И тогда я, быстро собрав свои вещи, убежала куда глаза глядят. Я бежала 8 километров до станции, села в первый поезд и отправилась в Одессу. Там жила моя старшая сестра Этя. А на следующий день Леня, узнав о случившемся, собрал свои вещи, документы и поехал за мной.

Так мы стали жить в Одессе. Нашли работу, купили комнату. В этой квартире у нас родились дети. Я не злопамятный человек. На праздники и в отпуск мы с мужем старались приезжать в колхоз помочь родителям по хозяйству, по огороду.

Прошли годы. Меер и Рива состарились. Им стало тяжело жить одним, и мы забрали их к себе. Куда ушла жестокость Меера? Им очень нравилось в Одессе. Новые соседи, рядом парк, где они общались со своими сверстниками. Когда Риве исполнилось 72 года, она заболела неизлечимой болезнью. Вскоре ее не стало. Меер пережил свою жену на три года...